

Военная экономика США

В 2024 - начале 2026 года Соединённые Штаты Америки вступили в завершающую фазу перестройки значительной части своей промышленности на военный лад. К настоящему моменту уже полностью задействованы имевшиеся резервы мощностей, в основном завершён перевод ряда производств гражданского сектора на военные рельсы. До конца 2025 года в Америке высокими темпами шло расширение существующих линий и ввод в строй новых площадок, ориентированных на производство боеприпасов, ракетных систем, авиационной техники, корабельного оборудования и военной электроники. Валовой внутренний продукт страны в 2024 году достиг порядка 29,2 трлн. долларов и удерживался на этом уровне с тенденцией к дальнейшему росту и в 2026 году. Набирает оборот производство боеприпасов; ракетная промышленность, беспилотные системы, средства связи, разведки и пр. Так к середине 2025 года США довели выпуск 155-мм артиллерийских снарядов примерно до 40 тыс. единиц в месяц, объявив целевым уровнем 100 тыс. снарядов в месяц к середине 2026 года, что отражает переход к устойчивому темпу роста. Неуклонно возрастает доля военных расходов. На 2026 финансовый год Конгресс утвердил объём оборонного финансирования в размере порядка \$901 млрд долларов, включая основные программы Министерства обороны и смежные направления национальной безопасности. Данные цифры фиксируют окончательное закрепление военного приоритета в распределении государственных средств. Однако указанная сумма рассматривается Вашингтоном лишь как промежуточный этап. Администрацией Donald Trump уже анонсирован проект военного бюджета на 2027 финансовый год в размере около 1,5 трлн долларов, что означает выход на качественно иной уровень милитаризации экономики. Речь идёт не просто о поддержании текущих обязательств, а о наращивании стратегических программ — прежде всего развития систем противоракетной обороны типа «Золотой купол» (многоуровневая ПРО с космическим компонентом), а также ускоренной модернизации ядерной триады.

Согласно параметрам бюджета на 2026 финансовый год (в пределах порядка 1,0-1,1 трлн долларов совокупных военных ассигнований с учётом профильных ведомств), структура расходов распределяется следующим образом:

\$291 млрд — эксплуатация и техническое обслуживание вооружений и инфраструктуры (Operations & Maintenance). Это крупнейшая статья, отражающая масштаб уже развёрнутых систем и постоянные издержки глобального военного присутствия США.

\$234 млрд — содержание военного персонала, выплаты, льготы и военная медицина (Military Personnel & Health). Доля этой статьи превышает 20% бюджета и закрепляет устойчивость кадровой базы.

\$162 млрд — закупки нового вооружения (Procurement), включая авиацию пятого поколения, ракетные комплексы, корабельные системы и беспилотные платформы.

\$146 млрд — научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (RDT&E). Это стратегический блок, направленный на ИИ-системы, гиперзвуковые средства, космические программы и киберкомпонент.

\$54 млрд — военное строительство и инфраструктура, а также программы, связанные с ядерным комплексом.

В совокупности указанные статьи формируют свыше 85-90% всей военной сметы. Структурный разрез показывает, что бюджет ориентирован не столько на разовый скачок перевооружения, сколько на поддержание и обслуживание уже развернутой по всему миру системы военного присутствия — баз, флотских группировок, авиационных контингентов, складской и ремонтной инфраструктуры, контрактной логистики. Проект бюджета на 2027 год в размере 1,5 трлн долларов является логическим продолжением этой линии. Речь идёт о закреплении долговременного военного цикла, при котором рост ассигнований на НИОКР и модернизацию ядерных сил будет сочетаться с сохранением крайне высоких постоянных эксплуатационных расходов с гарантированным бюджетным спросом, долгосрочными контрактами и защищённой нормой прибыли.

За последние годы Соединённые Штаты окончательно утвердились в положении крупнейшего производителя и экспортера военной продукции среди своих конкурентов России и Китая. Увеличение выпуска вооружений и боеприпасов в 2023-2025 годах достигалось прежде всего за счёт более полной загрузки действующих предприятий, расширения кооперации с частным сектором и массивного размещения государственных заказов. Ввод же новых мощностей, строительство которых было развёрнуто ранее, дал основной эффект главным образом к 2025-2026 годам. Главными бенефициарами этого процесса выступают ведущие корпорации: так, только в январе 2026 года Lockheed Martin получила контракт на поставку Саудовской Аравии 730 ракет PAC-3 MSE на сумму 9 млрд долларов, а Boeing закрепил за собой заказ на четыре патрульных самолета P-8A Poseidon для Сингапура стоимостью 2,3 млрд долларов. Общий же объём международных сделок, одобренных в январе, достиг 22,5 млрд долларов.

Развитию военного производства США благоприятствовали факторы, объективно выгодные для нее: войны ведутся вне территории страны; промышленная база

изначально велика; финансовые ресурсы позволяют быстро конвертировать бюджетные ассигнования в оборонные заказы. Однако действительное положение вещей показывает, что наличие мощной гражданской промышленности само по себе ещё не означает её быстрой и беспрепятственной мобилизации на выпуск военной продукции в желаемые государством сроки. На пути к этому встают препятствия, коренящиеся в самой системе: корпорации расширяют выпуск лишь там и тогда, где им обеспечены гарантии прибыли, авансирование, компенсация рисков и долгосрочные контракты.

Чтобы стимулировать перепрофилирование предприятий и наращивание серийного выпуска, государство закрепляет за монополиями заказы на годы вперёд, финансирует расширение производственных линий, субсидирует отдельные звенья цепочек поставок и принимает на себя часть издержек, связанных с модернизацией. Тем самым государственные средства превращаются в источник гарантированной корпоративной прибыли, а военный заказ становится главной формой перераспределения общественного продукта в пользу крупнейшего капитала. Масштаб этого перераспределения наглядно иллюстрируют финансовые показатели гигантов отрасли. Так, совокупная прибыль пяти крупнейших подрядчиков (Lockheed Martin, RTX, Northrop Grumman, General Dynamics и Boeing) по итогам 2026 года, по прогнозам Уолл-стритт, достигнет 26 млрд долларов — почти вдвое больше уровня 2021 года. Показателен и пример корпорации RTX: её портфель невыполненных заказов (бэклог) на начало 2026 года превысил 268 млрд долларов, из которых 107 млрд приходятся непосредственно на оборонные заказы. Эти цифры наглядно демонстрируют, как государственные средства конвертируются в гарантированную прибыль корпораций.

Быстрое наращивание выпуска военной продукции в 2024 – начале 2026 годов вызвало соответствующее увеличение производства электроэнергии, расширение металлургических мощностей и рост добычи стратегических материалов. Динамика этих отраслей отражает структурное смещение экономики в сторону обеспечения оборонных программ.

Производство электроэнергии в США в 2024–2025 гг. удерживалось на уровне свыше 4 трлн кВт·ч в год, при этом особенно заметный рост потребления приходился на регионы, где сосредоточены предприятия военной промышленности, центры обработки данных, производство микрочипов и новые заводы по выпуску боеприпасов и ракетных систем. Высокие темпы электрификации и цифровизации выступают важным показателем технического уровня промышленности: обилие электроэнергии обеспечивает автоматизацию, роботизацию и масштабирование серийного производства.

В металлургии ключевую роль продолжает играть сталь. Общий объём выплавки в США в 2025 году превышал 80 млн тонн, однако структура потребления изменилась: доля продукции, идущей на оборонные нужды, выросла по сравнению с началом десятилетия. Увеличился спрос на легированные и высокопрочные стали, необходимые для производства бронетехники (включая броневаляки типа MIL-DTL-12560 для корпусов танков M1A2 Abrams и перспективных боевых машин), корабельных конструкций (в том числе HY-80 и HY-100 для подводных лодок и авианосцев), авиационных двигателей и ракетных корпусов. При этом общий объём гражданского потребления металла в отдельных сегментах сокращался или стагнировал, что позволило перераспределить мощности в пользу военного заказа.

Рост выпуска специальных сталей достигается за счёт модернизации электроплавильных мощностей и расширения производств, работающих по контрактам Министерства обороны. Однако узким местом остается снабжение рядом легирующих элементов. Как и ранее, значительная часть марганца, хрома и никеля поступает из-за рубежа.

В производстве алюминия и титана, которые имеют критическое значение для авиации и ракетной техники, наблюдается схожая картина. Хотя США сохраняют собственные мощности, рентабельность этих производств напрямую зависит от колебаний цен на электроэнергию. Зачастую отрицательный баланс в условиях приоритетности оборонного заказа покрывается из бюджета через субсидии, дотации и иные инструменты государственной поддержки.

Спрос на алюминиевые бронесплавы, такие как AA7017 и AA7020 (по спецификации MIL-DTL-32505), применяемые в боевых машинах пехоты Bradley и перспективных бронетранспортёрах, остаётся стабильно высоким. Что касается титана, являющегося стратегическим металлом для авиакосмической и оборонной промышленности, Министерство войны стимулирует его использование в тяжёлых наземных системах: в январе 2026 года компания IregionX получила заказ на производство 700 облегчённых титановых компонентов для армейских машин, что позволяет снизить массу боевой техники на 40-45%.

Особое значение приобретают редкоземельные элементы и стратегические материалы — литий, кобальт, графит, германий, галлий. Они необходимы для производства микрочипов, силовой электроники и радиочастотных модулей для активных фазированных антенных решёток (АЕСА-РЛС), устанавливаемых на истребителях F-35 и перспективных платформах, а также для систем наведения ракет AIM-260 JATM, гиперзвуковых комплексов Hypersonic Attack Cruise Missile (HACM) и межконтинентальной ракеты LGM-35A Sentinel.

Галлий (в виде GaN и GaAs-структур) и германий применяются в высокочастотных усилителях, инфракрасных сенсорах и тепловизионных матрицах головок самонаведения, обеспечивающих точность поражения целей. Эти же материалы используются в космической аппаратуре — спутниковых ретрансляторах, системах глобальной навигации и разведывательных платформах, задействованных в управлении авиационными и ракетными комплексами, включая стратегический бомбардировщик B-21 Raider.

Литий, кобальт и графит критически важны для производства аккумуляторных модулей и энергетических систем беспилотных и автономных платформ — от воздушных БПЛА до роботизированных боевых машин в рамках программы Next Generation Combat Vehicle (NGCV). Повышение энергоёмкости батарей напрямую определяет радиус действия, автономность и продолжительность боевого применения таких систем.

Таким образом, редкоземельные и стратегические материалы формируют материальную основу современной электроники, сенсорики и энергетики вооружённых сил — от микросхем управления до спутниковых систем наведения и автономных боевых платформ.

По ряду этих позиций США по-прежнему зависят от глобальных цепочек поставок. В ответ на это в феврале 2026 года администрацией запущен масштабный проект Project Vault — стратегический резерв критических минералов объёмом до 12 млрд долларов, включающий закупку и хранение лития, кобальта, графита, никеля, меди и других материалов для снижения зависимости от импорта, прежде всего из Китая . Одновременно реализуются программы субсидирования переработки и расширения сотрудничества с союзниками в рамках MSP (Minerals Security Partnership) .

Проблема сырьевой зависимости особенно остро проявляется в сфере микроэлектроники. Производство современных вооружений немыслимо без высокотехнологичных чипов, а значительная часть мощностей их выпуска до недавнего времени была сосредоточена за пределами США. В рамках государственной политики по укреплению национальной промышленности реализуются масштабные программы поддержки национального производства полупроводников, включая прямые субсидии и налоговые льготы. В январе 2026 года корпорация Intel объявлена поставщиком для программы SHIELD (Scalable Homeland Innovative Enterprise Layered Defense) с контрактным потолком до 1,5 трлн долларов, став ключевым производителем военных микрочипов на территории США . В свою очередь, Northrop Grumman в рамках программы ATSP5 (Advanced Technology Support Program V) получила доступ к контрактному механизму с лимитом 25 млрд долларов для ускоренной интеграции микроэлектроники американского

производства в военные системы . Тем самым государственные средства в основе своей направляются на формирование новых промышленных центров, которые интегрируются в оборонный сектор.

Расширение военного производства вызвало также рост спроса на химическую продукцию: синтетические полимеры, композиты, ракетное топливо, взрывчатые вещества. Особое внимание уделяется композиционным материалам нового поколения: в феврале 2026 года Министерство войны выделило более 9 млн долларов Национальному институту передового производства материалов (LIFT) на развитие производства керамических матричных композитов (СМС — Ceramic Matrix Composites), применяемых в двигателях истребителей F-35 Lightning II, гиперзвуковых ракет и систем "стелс" . Предприятия химической отрасли, получающие оборонные контракты, увеличивают мощности при финансовой поддержке государства. Как и в металлургии, модернизация осуществляется преимущественно за счёт бюджетных ассигнований и гарантированных заказов.

Таким образом, энергетическая и сырьевая база военной экономики США в 2024–2026 гг. расширяется и модернизируется, однако этот процесс не является стихийным. Он направляется через систему государственных контрактов, субсидий и стратегических резервов. Государство берёт на себя риски долгосрочных инвестиций, тогда как крупнейшие корпорации получают гарантированный рынок сбыта и устойчивую норму прибыли.

Динамика производства основных видов вооружения и боевой техники (ВиВТ) в 2024 – начале 2026 годов свидетельствует о закреплении устойчивой тенденции к расширению военного выпуска. Если в 2022 году значительная часть предприятий ещё находилась в фазе наращивания, то к 2025 году серийность стала доминирующей формой производства. Военно-промышленный комплекс США перешёл от режима поддержания текущей боеготовности к устойчивому обеспечению войск в рамках концепции «длительного конфликта высокой интенсивности», ориентированного на обеспечение потребностей как собственных вооружённых сил, так и союзников в условиях перспективы масштабной войны.

Особенно быстрыми темпами растёт выпуск ракетных систем и высокоточного оружия (ВТО). Производство ракет для систем противоракетной обороны (ПРО) увеличивается на фоне расширения экспортных контрактов и программ модернизации сил альянса НАТО. По состоянию на 1 квартал 2026 года, на мощностях Lockheed Martin заключено семилетнее рамочное соглашение, предусматривающее увеличение производства перехватчиков PAC-3 MSE для системы Patriot (MIM-104) с 600 до 2 000 единиц в год, что позволяет не только восполнять текущий расход в зонах боевого дежурства, но и формировать

оперативный резерв для развертывания дополнительных батарей в рамках архитектуры IAMD (Integrated Air and Missile Defense) и концепции эшелонированной обороны (layered defense).

Перехватчики PAC-3 MSE используются подразделениями Air Defense Artillery армии США, включая 11th Air Defense Artillery Brigade (2-7 ADA, 3-43 ADA) и 31st Air Defense Artillery Brigade (3-2 ADA, 4-3 ADA), действующими под управлением 32d Army Air and Missile Defense Command. Их задачи включают прикрытие объектов критической инфраструктуры, аэродромов, пунктов управления и логистических узлов в зонах оперативной ответственности на театрах военных действий.

Одновременно корпорация RTX (Raytheon) подписала аналогичные соглашения с Министерством обороны, нацеленные на расширение выпуска крылатых ракет BGM-109 Tomahawk до свыше 1 000 единиц в год, ракет AIM-120 AMRAAM до 1 900 единиц в год, а также Standard Missile-3 (SM-3 IB, SM-3 IIA) и Standard Missile-6 (SM-6).

Ракеты Tomahawk применяются кораблями с управляемым ракетным оружием (УРО) — прежде всего эсминцами класса Arleigh Burke (DDG-51), частично крейсерами класса Ticonderoga (CG-47), а также атомными подводными лодками ВМС США. Данные носители несут боевое дежурство по типу BMD patrol (Ballistic Missile Defense patrol) и интегрированы в морскую компонентную систему Aegis Combat System / Aegis BMD, обеспечивая перехват баллистических целей и нанесение высокоточных ударов по наземным и морским объектам.

Ракеты SM-3 предназначены для внеатмосферного перехвата баллистических целей в составе Aegis BMD, тогда как SM-6 выполняют задачи многофункциональной ПВО/ПРО и противокорабельной борьбы, обеспечивая средний и терминальный эшелоны layered defense. Ракеты AIM-120 AMRAAM используются авиацией ВВС, ВМС и Корпуса морской пехоты США и одновременно интегрируются в наземные комплексы типа NASAMS, усиливая воздушный компонент IAMD.

Таким образом, расширение выпуска охватывает все уровни эшелонированной обороны — от армейских батарей Patriot до корабельных систем Aegis и авиационных ракет дальнего боя. Крупные партии ракетных комплексов поставляются как для нужд вооружённых сил США, так и на внешние рынки в рамках программ Foreign Military Sales, что обеспечивает высокую загрузку соответствующих предприятий и укрепляет производственные мощности на долгосрочную перспективу, поддерживая устойчивость архитектуры IAMD и возможности развертывания дополнительных сил на Тихоокеанском и Атлантическом ТВД.

Авиационная промышленность сохраняет ведущие позиции в структуре военных ассигнований. Выпуск истребителей пятого поколения, военно-транспортной авиации (ВТА), разведывательно-ударных БПЛА и авиационных двигателей остаётся одним из крупнейших направлений оборонных расходов, поскольку именно авиационный компонент обеспечивает стратегическую проекцию силы (power projection) и поддерживает архитектуру IAMD.

В 2025 году продолжалось серийное производство F-35 Lightning II (версии F-35A, F-35B, F-35C). Lockheed Martin передала заказчикам 191 самолёт, что подтвердило выход программы на устойчивый темп серийного производства (Full-Rate Production). Основной акцент смещается на конфигурацию Block 4, предусматривающую расширение номенклатуры вооружений, модернизацию сенсорного комплекса AN/APG-81 (AESA) и усиление возможностей радиоэлектронной борьбы.

Эксплуатантами F-35 в США являются истребительные авиакрылья ВВС, авиация ВМС и Корпуса морской пехоты. Самолёты интегрированы в общую систему C2 (Command and Control), обеспечивая сетевое взаимодействие с платформами F-22, E-3 AWACS, системами Patriot и кораблями с Aegis.

Корпорация Northrop Grumman поставила 1500-й центроплан фюзеляжа для финальной сборки F-35, сократив время производства на 35% за счёт внедрения цифровых производственных процессов и технологий дополненной реальности. При этом доля затрат на авионику, системы РЭБ и защищённые каналы связи в стоимости платформы продолжает расти.

Стоимость самолёта всё более определяется не столько планером, сколько бортовым комплексом обороны (БКО), системой распределённой апертуры DAS, сенсорным фьюжном и сетевыми возможностями. Ключевую роль играют радиолокационные технологии малозаметности и элементы электронной защиты, разрабатываемые Northrop Grumman и смежными подрядчиками.

Параллельно продолжается развитие стратегического бомбардировщика B-21 Raider, который должен обеспечить модернизацию воздушного компонента ядерной триады и заменить часть парка B-1 и B-2. В долгосрочной перспективе реализуется программа NGAD (Next Generation Air Dominance) — создание авиационного комплекса шестого поколения с элементами пилотируемо-беспилотного взаимодействия.

Судостроение обеспечивает выполнение планов кораблестроения по обновлению ядерной триады и корабельного состава флота. В 2024–2026 гг. продолжается строительство атомных подводных лодок SSBN класса Columbia — ключевого элемента морского компонента ядерного сдерживания (sea-based deterrence), а

также многоцелевых ПЛА класса Virginia (Block V) с модулем VPM (Virginia Payload Module) для увеличения количества крылатых ракет.

Параллельно ведётся строительство авианосцев класса Gerald R. Ford (CVN-78), эсминцев класса Arleigh Burke (Flight III) с модернизированной РЛС AN/SPY-6 (AESA), а также кораблей обеспечения.

Утверждённый Конгрессом на 2026 финансовый год пакет финансирования судостроения составляет 27,2 млрд долларов, что на 6,5 млрд превышает запрос администрации. Средства предусматривают строительство 17 кораблей, включая одну ПЛА класса Columbia, две многоцелевые ПЛА класса Virginia, три средних десантных корабля и один корабль противолодочной разведки типа T-AGOS.

Дополнительно выделяется 1,5 млрд долларов на развитие судостроительной базы: модернизацию верфей, поддержку поставщиков реакторных установок и гребных комплексов, а также подготовку инженерных кадров.

В отличие от кампаний середины XX века, акцент делается не на массовость, а на боевую устойчивость группировок (fleet survivability), насыщенность средствами ПВО/ПРО (Aegis BMD), противолодочной борьбы (ASW/ПЛО) и интеграцию кораблей в единую сетевую архитектуру управления

Производство бронетехники и артиллерийских систем переведено в режим ускоренного наращивания. Расширение выпуска 155-мм боеприпасов, реактивных систем залпового огня и модернизированных бронемашин осуществляется в рамках приоритетов Long-Range Precision Fires и Multi-Domain Operations.

В 2026 году планируется выход на уровень 100 тыс. 155-мм снарядов в месяц, что позволяет: поддерживать постоянную боевую готовность дивизионной артиллерии, формировать корпусные запасы, пополнять армейские склады предварительного размещения (Army Prepositioned Stocks). Распределение по структуре:

Таблица 1. Артиллерия 155 мм – структура и региональное распределение

Раздел	Содержание
Платформы	M777A2 (буксируемая); M109A7 Paladin (самоходная); XM1299 ERCA (перспективная, дальность > 70 км)
На уровне дивизии	DIVARTY (Division Artillery): 3-4 батальона FA (12-18 гаубиц M109A7/M777A2 в каждом)
На уровне корпуса	Корпусная артиллерия: огневые бригады поддержки (2-3 дивизиона HIMARS + 1 дивизион XM1299)

Раздел	Содержание
Стратегический уровень	Элементы Long-Range Precision Fires: батареи PrSM, перспективные гиперзвуковые системы

Таблица 2. Региональное распределение (по командованиям)

Командование	Основной акцент	Типовые структуры и задачи
EUCOM	Поддержание готовности корпусных структур в Европе; пополнение складов в Польше, Германии, странах Балтии; совместимость с артиллерией НАТО	* Ротационные АВСТ с DIVARTY; * 2-3 батареи HIMARS (по 4 ПУ); * склады боеприпасов на 60 дней интенсивных боевых действий; * интеграция с системами ПВО Patriot для защиты артпозиций
INDOPACOM	Мобильные батареи HIMARS; распределённое хранение боеприпасов; усиление дальнего огня для островных направлений	* Marine Littoral Regiments (интеграция с морской пехотой); * батареи PrSM для противокорабельных задач; * мобильные склады на островах (Гуам, Окинава); * поддержка амфибийных операций
CENTCOM	Ограниченный оперативный резерв; склады для быстрой ротации	* Дивизионные артиллерийские элементы (M777A2 + HIMARS); * передовые базы снабжения в Кувейте и Иордании; * усиление ПВО для защиты артгрупп
CONUS	Формирование стратегического резерва; подготовка личного состава; накопление боекомплекта	* 4-5 учебных артполков (подготовка расчётов); * арсеналы боеприпасов (Пенсильвания, Техас, Калифорния); * резервные батареи HIMARS и M109A7; * центры тестирования перспективных систем (XM1299, PrSM)

Сравнительная таблица наступательной конфигурации сил

Параметр	EUCOM	INDOPACOM	CENTCOM
Основная угроза	Крупномасштабный межгосударственный конфликт в Европе	Вооружённое противостояние в западной части Тихого океана, борьба за островные территории	Региональные конфликты, асимметричные угрозы, Иран
Ключевое оружие	M109A7 Paladin, HIMARS, тяжёлая ствольная артиллерия	HIMARS, PrSM, распределённые ракетные комплексы большой дальности	HIMARS, M777, мобильная артиллерия и экспедиционные средства огневой поддержки

Параметр	EUCOM	INDOPACOM	CENTCOM
Логистика	Предварительно размещённые комплекты техники (APS), крупные склады в Европе, развитая железнодорожная инфраструктура	Распределённые склады на островах, контейнерная логистика, морские линии снабжения	Мобильные склады и передовые базы снабжения в районе Персидского залива
Союзники	НАТО (Польша, страны Балтии, Германия и др.)	Япония, Южная Корея, Филиппины, Австралия	Саудовская Аравия, Иордания, Израиль
Типичная операция	Массированное артиллерийское поражение, прорыв обороны и развитие наступления	Быстрое рассредоточение ракетных систем, удары по глубине и манёврными действиями на островах	Точечные удары, поддержка наземных операций союзников
Стратегическая цель	Создание и поддержание наступательной группировки для ведения полномасштабных операций на европейском театре	Формирование мобильной ударной архитектуры для контроля морских коммуникаций и проведения наступательных действий в островной зоне	Обеспечение возможности ограниченных наступательных операций и силового давления в регионе
Уровень интенсивности конфликта	Высокая интенсивность, тяжёлый сухопутный конфликт	Средняя или высокая интенсивность с элементами морского и ракетного противостояния	Низкая или средняя интенсивность, ограниченные операции

CONUS (Continental United States / континентальная часть США) — это территория континентальной части Соединённых Штатов, находящаяся в зоне ответственности американских вооружённых сил и выполняющая функцию стратегического тыла и базы формирования резерва. Именно здесь сосредоточена система, обеспечивающая устойчивость, восполнение и наращивание военной мощи страны. В пределах CONUS формируется стратегический резерв вооружённых сил США: аккумулируются силы и средства, ведётся последовательная подготовка личного состава, создаются и поддерживаются запасы вооружений и боеприпасов. Эта инфраструктура служит фундаментом для развёртывания экспедиционных группировок за пределами страны и для компенсации потерь в случае крупномасштабного конфликта.

Стратегический резерв в рамках CONUS включает соединения и части, которые не задействованы в текущих операциях, проходят полный цикл подготовки — от базового уровня до совместных межвидовых учений — и находятся в высокой степени готовности к переброске. Эти силы могут быть направлены в любую зону ответственности командований США, включая Европейское (EUCOM), Индо-Тихоокеанское (INDOPACOM) и Центральное (CENTCOM). В состав резерва входят полноценные бригады различного типа — бронетанковые (ABCT), пехотные (IBCT), механизированные (SBCT), артиллерийские соединения, оснащённые системами M109A7 и HIMARS, инженерные и логистические подразделения, части противовоздушной обороны с комплексами Patriot и THAAD, а также формирования кибер- и радиоэлектронной борьбы.

Подготовка личного состава в CONUS организована по многоуровневой схеме. Базовая военная подготовка (Basic Combat Training, BCT) формирует первоначальные навыки новобранцев. Далее следует специализированное обучение по конкретной военной специальности (Advanced Individual Training, AIT) — будь то артиллерия, связь, управление техникой или техническое обслуживание. После этого осуществляется слаживание подразделений в формате взводов, рот и батальонов (Unit Training), а также совместные учения (Joint Exercises) с участием армии, военно-воздушных сил, военно-морских сил и корпуса морской пехоты. Центральную роль играют центры боевой подготовки (Combat Training Centers, CTC), где моделируются условия реального боя. Национальный учебный центр (NTC, Форт Ирвин, Калифорния) специализируется на подготовке бронетанковых и мотопехотных частей; Объединённый центр подготовки (JMRC, Хоэнфельс, Германия) ориентирован на сценарии европейского театра; Учебный центр объединённых сил (JRTC, Форт Полк, Луизиана) готовит подразделения к действиям в сложных условиях — в городской среде, джунглях и пустынной местности.

Отдельным направлением является накопление и поддержание боекомплекта. В пределах CONUS расположены крупнейшие арсеналы и склады боеприпасов США. Их задачи включают хранение стандартных боеприпасов — артиллерийских снарядов калибра 155 мм, ракет GMLRS и ATACMS, накопление перспективных образцов вооружения, таких как Excalibur и PrSM, обслуживание и ротацию запасов с заменой устаревших или выработавших ресурс изделий, а также обеспечение оперативной отгрузки в морские порты и на аэродромы для последующей переброски за рубеж. Ключевые объекты размещены с учётом логистической целесообразности: арсеналы в Пенсильвании и Нью-Джерси обеспечивают выход к портам Восточного побережья; склады в Техасе и Оклахоме занимают центральное положение внутри страны; хранилища в Калифорнии ориентированы на поддержку Индо-Тихоокеанского направления.

Основная концентрация соединений стратегического резерва располагается на крупных военных базах континентальной части США, где одновременно осуществляются дислокация, обучение, техническое обслуживание техники и формирование готовых к развёртыванию подразделений. Таким образом, CONUS представляет собой не просто географическое обозначение, а системообразующий элемент военной архитектуры Соединённых Штатов — пространство, в котором соединены кадровый ресурс, материальная база, подготовка и логистика, обеспечивающие способность к быстрому и масштабному развёртыванию сил в любой точке мира.

Основные военные базы CONUS, где дислоцируются и готовятся силы стратегического резерва:

Военная база	Штат	Основные соединения	Ориентировочная численность дивизии*	Чаще задействуется для	Роль в стратегическом резерве
Fort Liberty (бывш. Fort Bragg)	Северная Каролина	82-я воздушно-десантная дивизия, USASOC	18-20 тыс. (82-я)	Глобальное реагирование, Европа	Силы немедленного развёртывания (IRF)
Fort Campbell	Кентукки	101-я воздушно-десантная дивизия (Air Assault)	18-20 тыс.	Европа, Ближний Восток	Аэромобильные ударные операции
Fort Cavazos (бывш. Fort Hood)	Техас	1-я кавалерийская дивизия, III Corps	15-16 тыс. (дивизия)	Европа, CENTCOM	Центр тяжёлых бронетанковых соединений
Fort Stewart	Джорджия	3-я пехотная дивизия	17 тыс.	Европа	Механизированные бригады высокой готовности
Fort Bliss	Техас	1-я бронетанковая дивизия, Patriot	15-16 тыс.	CENTCOM, Европа	Тяжёлые силы и ПВО
Joint Base Lewis-McChord (JBLM)	Вашиントン	7-я пехотная дивизия (штаб), Stryker ВСТ	15 тыс. (структура дивизионного уровня)	INDOPACOM	Силы для Тихоокеанского региона
Fort Riley	Канзас	1-я пехотная дивизия	16 тыс.	Европа	Тяжёлые бригады для усиления НАТО

Актуализированная таблица (с ориентировочной численностью)

Уровень	Локация / Командование	Основные силы	Ориентировочная численность	Роль в общей архитектуре
Стратегический резерв (CONUS)	Fort Liberty (NC)	82-я воздушно-десантная дивизия, USASOC	18-20 тыс. (дивизия)	Немедленное реагирование, переброска в Европу
	Fort Campbell (KY)	101-я дивизия (Air Assault)	~18-20 тыс.	Аэромобильные операции, усиление восточного фланга
	Fort Cavazos (TX)	1-я кавалерийская дивизия, III Corps	~15-16 тыс. (дивизия)	Тяжёлые АВСТ для EUCOM
	Fort Stewart (GA)	3-я пехотная дивизия	~17 тыс.	Механизированные бригады высокой готовности
	Fort Riley (KS)	1-я пехотная дивизия	~16 тыс.	Ротации АВСТ в Европу
	Fort Bliss (TX)	1-я бронетанковая дивизия, Patriot	~15-16 тыс.	Бронетанковые силы и ПВО
	Итого (CONUS, тяжёлый компонент)	8-10 АВСТ в активном компоненте (из 11 всего в армии США)	~40-45 тыс. в АВСТ (суммарно по бригадам)	База для развёртывания 1-4 АВСТ в 30-60 дней
Оперативный уровень (EUCOM)	Grafenwoehr / Hohenfels (DE)	Ротационные АВСТ США, JMRC	1 АВСТ ~4,5-5 тыс.	Подготовка и ввод в боевую готовность
	Польша / Румыния	Forward-deployed АВСТ, элементы V Corps	1-2 АВСТ (~5-10 тыс.)	Восточный фланг, сдерживание/наступательный потенциал
	Mihail Kogălniceanu (RO)	Ротационные силы США и НАТО	2-4 тыс.	Черноморское направление
	Ramstein AB (DE)	USAFE-AFAFRI CA, 86th AW	~10 тыс. персонала	Логистика и воздушный хаб
	Spangdahlem / Aviano	Истребительные крылья (F-16/F-35)	1 крыло ~1,5-2 тыс.; 20-40 самолётов	Тактическая авиация

Issue № 01820/2 **Wednesday March 11** **2026**

Уровень	Локация / Командование	Основные силы	Ориентировочная численность	Роль в общей архитектуре
	Geilenkirchen	NATO E-3A AWACS	14 самолётов AWACS	Управление воздушным пространством
НАТО в Европе (многонациональный уровень)	Восточный фланг (Польша, Балтия, Румыния)	Многонациональные боевые группы (eFP), усиленные бригады	1 БГ 1-1,5 тыс.; в усиленном формате до бригады 3-5 тыс.	Передовой рубеж
	Великобритания (RAF Lakenheath, Mildenhall)	48th FW (F-15E, F-35A), KC-135, RC-135	50-70 самолётов (вкл. дозаправку/РЭР)	Северо-Западная Европа, дозаправка
	Souda Bay (GR)	6-й флот США, силы НАТО	Переменная численность	Морская проекция силы
	Vidsel (SE), Ämari (EE)	Ротационные контингенты	8-20 самолётов на ротации	Северный и Балтийский фланг

- *Численность указана ориентировочно, включая штабные и вспомогательные элементы.

Региональная ориентация баз

Направление Европа (EUCOM)

Чаще всего задействуются:

Fort Liberty (82-я дивизия — быстрые переброски в Польшу, Румынию);

Fort Campbell (101-я — ротации в Восточную Европу);

Fort Cavazos (1-я кавалерийская дивизия);

Fort Stewart (3-я пехотная дивизия);

Fort Riley (1-я пехотная дивизия).

Европейское направление опирается прежде всего на тяжёлые бронетанковые АВСТ и воздушно-десантные силы быстрого реагирования.

Направление INDOPACOM

Основная база: Joint Base Lewis-McChord (Stryker-бригады и штаб 7-й дивизии).
Дополнительно возможны переброски из: Fort Liberty (в качестве сил быстрого реагирования); Fort Cavazos (тяжёлые соединения при необходимости).

Акцент — мобильные и средние бригады, способные к быстрому развёртыванию морским и воздушным путём.

Направление CENTCOM

Чаще задействуются:

- Fort Bliss (ПВО Patriot и бронетехника);

Fort Cavazos;

Fort Campbell (аэромобильные операции).

Фокус — экспедиционные силы, ПВО и ограниченные тяжёлые группировки.

Структурная карта распределения сил CONUS

Восточное побережье → Воздушно-десантные силы → Быстрое реагирование →
Основной вектор — Европа

Центральный пояс (Техас, Канзас) → Тяжёлые бронетанковые дивизии → Корпусное управление → Усиление Европы и CENTCOM

Западное побережье (Вашингтон) → Средние механизированные силы (Stryker) →
Основная ориентация — INDOPACOM

Система CONUS построена по географическому принципу распределённой концентрации:

Восток — силы быстрого реагирования.

Центр — тяжёлый бронетанковый кулак.

Запад — Тихоокеанская проекция.

Это позволяет одновременно поддерживать европейский театр как приоритетный, сохранять ударный потенциал для Индо-Тихоокеанского региона и удерживать экспедиционные возможности на Ближнем Востоке.

Объединённая схема: CONUS → EUCOM → НАТО в Европе (февраль 2026)

Таблица 3. РСЗО и дальнобойные средства

Раздел	Содержание
Платформы	M142 HIMARS — высококомбинированная реактивная система залпового огня на колёсном шасси. * Характеристики: 6 ракет калибра 227 мм или 1 оперативно-тактическая ракета (PrSM/ATACMS); масса — 16 т; экипаж — 3 чел.; время развёртывания — 20 с; перезарядка — 4-5 мин. M270A2 MLRS — гусеничная реактивная система с двумя пусковыми контейнерами. * Характеристики: до 12 ракет GMLRS, либо 4 PrSM, либо 2 ATACMS; масса — 25 т; экипаж — 3 чел.; улучшенная защита от ОМП и РЭБ.
Боеприпасы	GMLRS (Guided Multiple Launch Rocket System) — управляемые реактивные снаряды калибра 227 мм с GPS/INS-наведением. * M30 — для поражения незащищённых и легкобронированных целей; дальность — до 84 км. * M31 — для точного поражения неподвижных целей; КВО — 5-10 м. * ER GMLRS — версия с увеличенной дальностью до 150 км. PrSM (Precision Strike Missile) — тактическая баллистическая ракета, замена ATACMS. * Increment 1: дальность > 400 км, КВО < 2 м. * Increment 2: дальность > 500 км, многорежимная ГСН (поражение движущихся целей). * Перспектива: дальность до 700-800 км, возможность запуска с морских платформ (Mk 41). ATACMS (в ограниченном использовании): * дальность — 165-300 км; боевая часть — осколочно-фугасная или кассетная.
Применение	Дивизионные ракетные батальоны — основные подразделения, оснащённые HIMARS/MLRS. * Состав: 3-4 батареи по 6-8 ПУ; всего 18-32 ПУ на батальон. * Задачи: огневая поддержка дивизий, поражение артиллерии, складов, командных пунктов. Корпусные дальнобойные элементы — подразделения с PrSM для поражения целей на большой глубине. * Состав: 2-3 батареи PrSM (по 4-6 ПУ); всего 8-18 ПУ. * Задачи: поражение аэродромов, ПВО, штабов, узлов связи. Распределённые огневые группы (INDOPACOM) — концепция применения в Тихоокеанском регионе. * Особенности: рассредоточение ПУ на островах, быстрая смена позиций, интеграция с морской пехотой. * Типовой состав: 2-4 ПУ HIMARS + 1-2 ПУ PrSM на островной базе. * Задачи: противокорабельные удары (PrSM), подавление ПВО, поддержка амфибийных операций. Европейский театр (EUCOM): * концентрация батарей HIMARS в Польше и Германии; * интеграция с ПВО Patriot для защиты ПУ; * совместные учения с артиллерией НАТО. Ближний Восток (CENTCOM): * мобильные группы HIMARS для поддержки экспедиционных сил; * акцент на контртеррористические операции и точечные удары.
Тактика и системы управления	AFATDS (Advanced Field Artillery Tactical Data System) — единая система управления огнём. * Функции: планирование ударов, распределение целей, обмен данными в реальном времени. Типичные сценарии: * «Быстрый удар»: развёртывание → пуск → смена позиции за 10-15 мин. * «Огневое облако»: координация залпов нескольких батарей для перегрузки ПВО. * «Комбинированный удар»: сочетание GMLRS для подавления и PrSM для поражения ключевых целей. Поддержка разведки: * БПЛА (MQ-9 Reaper, RQ-4 Global Hawk) — целеуказание. * спутники — обнаружение крупных целей (аэродромы, склады). * наземные датчики — корректировка огня.
Страны-операторы	HIMARS: США, Польша, Румыния, Украина, Сингапур, Иордания, ОАЭ. M270 MLRS: США, Германия, Великобритания, Франция, Италия, Южная Корея, Япония.

Раздел	Содержание
Перспективы развития	* Увеличение дальности PrSM до 700–800 км (Increment 3). * Внедрение новых ГСН (активная РЛС, ИК, полуактивная лазерная) для поражения кораблей и мобильных ПВО. * Запуск PrSM с морских платформ (через систему Mk 41). * Автоматизация перезарядки и управления огнём (ИИ-ассистенты). * Роботизированные транспортно-заряжающие машины.

Ключевые количественные параметры (сводка)

Параметр	M142 HIMARS	M270A2 MLRS
Количество ПУ в батарее	6-8	6-8
Боекомплект на ПУ	6 GMLRS / 1 PrSM	12 GMLRS / 4 PrSM / 2 ATACMS
Время реакции (развёртывание + пуск)	2-3 мин	3-4 мин
Дальность (стандарт)	84 км (GMLRS)	84 км (GMLRS)
Дальность (максимальная)	> 500 км (PrSM)	> 500 км (PrSM)
КВО	5-10 м (GMLRS); < 2 м (PrSM)	5-10 м (GMLRS); < 2 м (PrSM)

Региональные акценты применения (2026)

EUCOM (Европа): массированное применение HIMARS и MLRS для прорыва обороны; интеграция с ПВО; склады боеприпасов в Польше и Германии.

INDOPACOM (Тихий океан): рассредоточенные группы на островах; противокорабельные задачи (PrSM); поддержка морской пехоты.

CENTCOM (Ближний Восток): мобильные батареи для точечных ударов; контртеррористические операции; передовые базы в Кувейте и Иордании.

К таблице 3 «РСЗО и дальнобойные средства».

В разделе платформ основными носителями реактивного и оперативно-тактического вооружения остаются M142 HIMARS и M270A2 MLRS. M142 HIMARS представляет собой высокомобильную реактивную систему залпового огня на колёсном шасси, отличающуюся высокой тактической подвижностью и возможностью оперативной переброски военно-транспортной авиацией. Пусковая установка несёт шесть ракет калибра 227 мм либо одну оперативно-тактическую ракету, включая PrSM или

АТАСМС. Время приведения в боевое положение составляет порядка 20 секунд, перезарядка занимает 4–5 минут, что обеспечивает реализацию принципа быстрого удара и немедленной смены позиции. M270A2 MLRS — модернизированная гусеничная реактивная система с повышенной живучестью и улучшенной защитой экипажа. Она оснащена двумя пусковыми контейнерами и способна нести до 12 ракет GMLRS, либо 4 ракеты PrSM, либо 2 ракеты АТАСМС. Версия А2 адаптирована под применение новейших боеприпасов и цифровых систем управления огнём.

В категории боеприпасов ключевое место занимают управляемые ракеты семейства GMLRS (Guided Multiple Launch Rocket System) в вариантах M30, M31 и их модификациях. Это реактивные снаряды калибра 227 мм с инерциальной системой навигации и коррекцией по GPS, обеспечивающие высокую точность поражения целей — в пределах нескольких метров кругового вероятного отклонения. Модификация M30 предназначена для поражения незащищённых и легкобронированных целей, M31 — для точного поражения стационарных объектов по заранее разведанным координатам. Версии M30A1/A2 и M31A1/A2 получили усовершенствованные боевые части и модернизированные двигатели. Дальность стрельбы базовых GMLRS достигает 84 км. Версия ER GMLRS (Extended Range GMLRS) оснащена новым твердотопливным двигателем и обеспечивает дальность до 150 км при сохранении совместимости с существующими пусковыми установками и высокой точности наведения.

Перспективное направление представлено ракетой PrSM (Precision Strike Missile), предназначенной для замены АТАСМС. В версии Increment 1 заявлена дальность свыше 400 км, в версии Increment 2 — более 500 км с возможностью поражения движущихся целей благодаря многорежимной головной части. В дальнейшем рассматривается увеличение дальности до 700–800 км, а также интеграция ракеты с морскими пусковыми установками через систему Mark 41. Конструкция PrSM предусматривает фиксированные хвостовые стабилизаторы, что упрощает обслуживание и повышает надёжность. Ракета полностью совместима с платформами HIMARS и MLRS и запускается из стандартных транспортно-пусковых контейнеров, что облегчает логистику и ускоряет перезарядку.

В организационном применении HIMARS и MLRS используются прежде всего в составе дивизионных ракетных батальонов, включающих несколько батарей с пусковыми установками и машинами обеспечения. Эти подразделения обеспечивают огневую поддержку на тактическом уровне, поражая цели в оперативной глубине обороны противника. На уровне армейских корпусов формируются дальнобойные элементы, способные применять PrSM для поражения командных пунктов, складов, узлов связи и других ключевых объектов на дистанциях свыше 500 км. В Индо-Тихоокеанском регионе развивается концепция распределённых огневых

групп, предусматривающая рассредоточенное размещение HIMARS и PrSM на островах и в прибрежных районах. Такая модель предполагает создание «огневых облаков» — координацию залпов нескольких систем для подавления противовоздушной обороны и поражения целей в глубине. Особое значение придаётся быстрому развёртыванию и смене позиций, интеграции с цифровыми системами управления огнём, такими как AFATDS, а также комбинированным ударам с использованием различных типов ракет для перегрузки ПВО и точечного поражения приоритетных целей.

Тактика применения строится на тесной интеграции с автоматизированными системами управления огнём, что позволяет быстро планировать удары, распределять цели между огневыми средствами, координировать действия с авиацией, ствольной артиллерией и беспилотными системами, а также оперативно обновлять целеуказание в ходе боя.

В качестве стран-операторов HIMARS выступают США, Польша, Румыния, Иордания, Объединённые Арабские Эмираты, Сингапур, Украина и ряд других государств. M270 MLRS эксплуатируется США, Великобританией, Бахрейном, Египтом, Грецией, Финляндией, Францией, Германией, Израилем, Италией, Саудовской Аравией, Турцией, Японией и Южной Кореей.

Перспективы развития связаны с дальнейшим увеличением дальности PrSM, внедрением новых типов головок самонаведения для поражения движущихся целей, расширением возможностей запуска с морских платформ, совершенствованием цифровых систем управления огнём и интеграцией с разведывательными средствами — беспилотными аппаратами, спутниковыми системами и наземными сенсорами. Одновременно развивается концепция распределённых огневых групп для действий в сложных географических условиях, включая архипелаги и плотную городскую застройку.

Таблица 4. Бронетехника — распределение (февраль 2026)

Раздел	Содержание
Основные программы	M1A2 SEPv4 Abrams — основной боевой танк с улучшенной энергосистемой, адаптивной бронёй и интегрированной системой активной защиты Trophy HV. * Особенности: сетцентрическая система управления огнём, совместимость с AFATDS, ИИ-поддержка командира для оценки угроз. M2A4 Bradley — модернизированная БМП с модулем динамической защиты BRAT II, новым двигателем (675 л. с.) и автоматической трансмиссией. * Вооружение: 25-мм пушка, TOW II ER, интегрированный дрон-разведчик. * Опции: часть машин оснащена системой дистанционного управления. OMFV (Optionally Manned Fighting Vehicle) — перспективная платформа на замену Bradley (в разработке). * Характеристики: необитаемая башня с 50-мм пушкой XM913, гибридная силовая установка, возможность работы в режиме «роботизированной машины» (управление на расстоянии до 5 км), модульная архитектура.
Соединения	ABCT (Armored Brigade Combat Team) — основная ударная сила сухопутных войск. * Состав (гипотетически на 2026): * 3 смешанных батальона (танковый + мотопехотный); * разведывательный батальон с БПЛА и роботизированными платформами; * артиллерийский дивизион (155 мм CAU M109A8 + HIMARS); * инженерный батальон с мостоукладчиками и системами разминирования; * батальон тылового обеспечения с автономными логистическими роботами. APS (Army Prepositioned Stocks) — программа предварительного размещения запасов для ускорения развёртывания. * Гипотетическое развёртывание: * Европа: 2 полных комплекта ABCT (Графенвёр, Германия; Жешув, Польша); * Индо-Тихоокеанский регион: 1 комплект ABCT (Кэмп-Хэнсен, Окинава) + 0,5 комплекта на Гуаме; * Ближний Восток: 1 комплект APS (Кувейт, склад Кэмп-Арифджан). * Каждый комплект включает: 88 танков M1A2 SEPv4, 120 БМП M2A4, артиллерию, топливо, боеприпасы и запчасти на 30 дней интенсивных боевых действий.
Приоритет регионов	1. Европа — тяжёлые бригадные ротации и усиление восточного фланга. * Планы: * постоянное присутствие 2 ABCT (1 США + 1 ротационная); * развёртывание APS в Польше и Румынии; * интеграция с силами быстрого реагирования НАТО (VJTF); * совместные учения DEFENDER Europe 2026. 2. Индо-Тихоокеанский регион — наращивание возможностей для сдерживания и наступательных операций. * Меры: * усиление присутствия на Окинаве и Гуаме; * создание мобильных бронетанковых групп для защиты островов; * совместные учения с Японией, Южной Кореей и Филиппинами; * подготовка к амфибийным операциям. 3. CONUS — концентрация основной массы тяжёлых соединений. * Структура: * 6 полных ABCT на базах Форт Худ, Форт Блисс, Форт Стюарт; * учебные центры для подготовки экипажей и операторов робототехники; * резервные склады для быстрого восполнения потерь.

Ключевые количественные параметры (сводка)

Параметр	M1A2 SEPv4 Abrams	M2A4 Bradley	OMFV (перспектива)
Количество в ABCT	88 единиц	120 единиц	Планируется замена Bradley (2028–2030)
Экипаж	4 человека	3 человека + 6 десантников	2 оператора + 6 десантников (опционально безэкипажный режим)

Issue № 01820/2

Wednesday March 11

2026

Параметр	M1A2 SEPv4 Abrams	M2A4 Bradley	OMFV (перспектива)
Вооружение	120-мм гладкоствольная пушка, 12,7-мм пулемёт, 7,62-мм пулемёт	25-мм автоматическая пушка, TOW II ER, 7,62-мм пулемёт	50-мм пушка XM913, ПТРК, 7,62-мм пулемёт
Защита	Композитная броня, ДЗ, APS Trophy HV	Композитная броня, ДЗ BRAT II, APS	Композитная броня нового поколения, ДЗ, APS, ЭМИ-защита
Силовая установка	Газотурбинный двигатель AGT1500 (1500 л. с.)	Дизельный двигатель (675 л. с.)	Гибридная силовая установка (800 л. с.)
Дальность хода	426 км	400 км	500 км (гибрид)
Скорость макс.	68 км/ч	66 км/ч	70 км/ч

Региональное распределение бронетехники (ориентировочно, февраль 2026)

Регион	Соединения	Количество танков (M1A2 SEPv4)	Количество БМП (M2A4)	Особенности развёртывания
Европа	2 ABCT + APS	176 + 88 (APS)	240 + 120 (APS)	Постоянное присутствие в Польше и Германии, ротация бригад, интеграция с НАТО
Индо-Тихоокеанский	1 ABCT + APS	88 + 44 (APS)	120 + 60 (APS)	Мобильные группы на островах, поддержка морской пехоты, акцент на амфибийные операции
CONUS	6 ABCT (резерв)	528	720	Подготовка экипажей, модернизация техники, формирование резервных бригад
CENTCOM	1 ротационная ABCT + APS	88 + 44 (APS)	120 + 60 (APS)	Экспедиционные силы, поддержка союзников, мобильные склады в Кувейте и Иордании

Перспективные направления развития

Автоматизация и роботизация:

часть техники (OMFV, M2A4) может работать в дистанционно управляемом режиме; внедрение автономных логистических роботов для снабжения.

Сетецентричность:

интеграция всех платформ в единую систему управления (AFATDS 2.0);

обмен данными в реальном времени между танками, БМП, артиллерией и авиацией.

Модульность:

быстрая смена конфигурации в зависимости от задачи (тяжёлая броня для Европы, мобильные группы для Тихого океана);

сменные боевые модули (пушки, ПТРК, системы РЭБ).

Логистика APS:

модернизация складов APS для поддержки роботизированных систем и гибридных силовых установок;

распределённые склады боеприпасов и запчастей.

Гибридные силовые установки:

снижение расхода топлива;

возможность работы в «тихом режиме» (электродвигатель).

Беспилотные и автономные системы занимают всё более заметное место в структуре оборонных расходов, формируя новый облик поля боя. На 2026 финансовый год зарезервированы средства на интеграцию автономных платформ в разведку, целеуказание и огневое поражение. В феврале 2026 года Министерство обороны объявило о запуске программы Drone Dominance, в рамках которой отобрано 25 компаний-участников. Цель программы — поставка в войска около 300 тыс. беспилотных летательных аппаратов к 2027 году. В первом этапе программы, получившем название "gauntlet", до 12 компаний произведут 30 тыс. дронов по средней цене 5 тыс. долларов за единицу с поставкой к июлю 2026 года. По мере развёртывания последующих этапов планируется снижение цены до 2 300 долларов при годовом объёме закупок до 150 тыс. единиц, что позволит оснастить части тактического звена (ВСТ) барражирующими боеприпасами и разведывательными дронами для отработки тактики применения «роев».

В структуре военных ассигнований увеличивается удельный вес средств, направляемых на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР). Разработка гиперзвуковых систем, модернизация ядерной триады (программа GBSD), совершенствование космической группировки разведки и связи

(SRR, NRO) требуют значительных вложений, концентрирующихся в руках ограниченного круга подрядчиков — Lockheed Martin, Northrop Grumman и RTX.

Утверждённый на 2026 финансовый год оборонный бюджет в размере 839 млрд долларов предусматривает 13,4 млрд долларов на развитие эшелонированной системы ПРО Golden Dome (включая космический эшелон обнаружения пусков), 4 млрд долларов на спутники предупреждения о ракетном нападении, а также ассигнования на авиационные программы — 440 млн долларов на запасные части для двигателей F135 истребителей F-35 и 976 млн долларов на шесть транспортных самолётов C-130J.

В сфере гиперзвукового оружия финансирование в объёме 3,9 млрд долларов отражает смещение акцента от исследований к подготовке серийного производства. В рамках этой логики запрошено 798 млн долларов на программу CPS (Conventional Prompt Strike) для ВМС и 802 млн долларов на НАСМ (Hypersonic Attack Cruise Missile) для ВВС. Речь идёт о переходе гиперзвуковых проектов из стадии технологической демонстрации в фазу pre-production с формированием инфраструктуры развёртывания.

Тактический уровень (ВСТ)

Оснащение включает: • разведывательные БПЛА класса RQ-28A / Skydio X10; • малые системы Short Range Reconnaissance; • барражирующие боеприпасы Switchblade 300 / 600; • ударные системы роя на базе лёгких FPV-платформ.

Применение ориентировано на: • разведку переднего края; • корректировку огня M777A2 и M109A7 Paladin; • целеуказание для HIMARS / GMLRS; • действия в рамках Distributed Operations.

Тем самым осуществляется интеграция БПЛА в зону Long-Range Precision Fires с формированием прямой связки Find → Fix → Track → Target → Engage → Assess (F2T2EA)

Оперативный уровень (Division / Corps)

На уровне дивизии и корпуса используются более тяжёлые и дальнобойные платформы: • MQ-1C Gray Eagle 25M; • перспективные ударные решения в рамках Air-Launched Effects (ALE); • интеграция с архитектурой IAMD для передачи целеуказания.

Это отражает переход от классической ISR-модели к ISR-Strike architecture, при которой беспилотная система становится частью ударной цепи, а не только

средством наблюдения. В результате сокращается sensor-to-shooter loop и повышается плотность огневого воздействия.

Региональная направленность выстраивается по логике приоритетов: EUCOM — усиление разведки на глубину 50-150 км и интеграция с артиллерией Long-Range Precision Fires. INDOPACOM — распределённые группы дронов на островных направлениях, взаимодействие с Marine Littoral Regiments и поддержка противокорабельных задач. CENTCOM — сопровождение мобильных угроз и поддержка ограниченного контингента.

Космический эшелон и авиационная поддержка

Развитие системы OPIR, космический сегмент Golden Dome и интеграция с возможностями NRO формируют надстроечный уровень раннего обнаружения и передачи данных в единую архитектуру управления.

Авиационные программы (поддержание парка F-35 и закупка C-130J) обеспечивают мобильность, логистическую устойчивость и поддержку сетевой архитектуры применения.

Несмотря на значительный рост выпуска, отдельные программы сталкиваются с задержками и перерасходом средств, вызванными дефицитом отдельных компонентов и необходимостью модернизации инфраструктуры. Однако принятые долгосрочные рамочные контракты (до 7 лет) и новая стратегия acquisition transformation призваны обеспечить предсказуемость финансирования и стимулировать инвестиции в критически важные производственные мощности, необходимые для ведения затяжного конфликта с равным противником. Увеличение выпуска вооружений обеспечивается не только за счёт внутреннего спроса. Существенная доля продукции направляется на пополнение запасов союзников в рамках межгосударственных соглашений и программ военной помощи. Подписанный в феврале 2026 года указ президента ставит приоритетом обеспечение боеготовности собственной промышленности, при котором поставки союзникам увязываются с их собственными инвестициями в оборону. Таким образом, оборонно-промышленный комплекс США функционирует одновременно как инструмент национальной безопасности и как важный элемент военно-технического альянса, обеспечивая загрузку производственных мощностей на годы вперёд.

Рост производства вооружений сопровождается перераспределением бюджетных средств в пользу высокотехнологичных сегментов: авиации, ракетных систем, беспилотных технологий и космических программ. Ассигнования на традиционные статьи, связанные с обеспечением личного состава, хотя и сохраняют масштаб,

растут медленнее по сравнению с инвестициями в закупки ВиВТ. Утверждённый Конгрессом бюджет на 2026 год превышает запрос Пентагона на 8 млрд долларов, что свидетельствует о двухпартийном консенсусе относительно необходимости дальнейшего наращивания военного потенциала. Таким образом, к 19 февраля 2026 года военная промышленность США функционирует в режиме устойчивого обеспечения войск согласно штатам военного времени. Выпуск вооружения обеспечивает не только оснащение собственных вооружённых сил, но и укрепление позиций страны как основного поставщика для сил альянса. Концентрация государственного заказа в руках крупнейших подрядчиков усиливает их экономические позиции, а принятые долгосрочные контракты создают основу для планирования расширения производственных мощностей в интересах подготовки к возможной длительной войне с равным противником.

Выполнение расширенной программы военного производства, модернизация вооружённых сил и мобилизация материальных ресурсов в 2024 - начале 2026 годов значительно расширили и усложнили деятельность государственных органов США. Государственное регулирование экономики приобрело более централизованный и системный характер. Ведущую роль в распределении оборонных ресурсов играют Министерство войны (Department of War) — Президент Трамп подписал исполнительный указ, разрешающий использование этого наименования для публичных коммуникаций, а министр обороны Пит Хегсет сменил свои аккаунты в соцсетях на @SecWar, объявив: «МЫ — ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО». Официальный сайт ведомства сменился с defense.gov на war.gov. Хотя полное переименование требует утверждения Конгрессом и, по оценкам Бюджетного управления Конгресса, может обойтись налогоплательщикам до 125 млн долларов при широкомасштабной реализации, сам шаг символизирует сдвиг в риторике: от обороны — к наступлению, от «политкорректности» — к «максимальной летальности».

В то же время распределение военных заказов осуществляется через сложную и внутренне противоречивую систему контрактов, в которой переплетаются интересы видов вооружённых сил, профильных комитетов Конгресса и крупнейших подрядчиков оборонной промышленности. Конкуренция за приоритетные программы остаётся жёсткой, поскольку речь идёт не просто о разовых поставках, а о многолетнем закреплении в стратегических сегментах — гиперзвуке, ПРО, авиации шестого поколения, ядерной модернизации, космической инфраструктуре и автономных системах.

В гиперзвуковом сегменте уже сформировалось двоевластие между морским и авиационным направлениями. Программа CPS (Conventional Prompt Strike) для ВМС, реализуемая при ведущей роли Lockheed Martin, ориентирована на морское базирование с интеграцией на подводных лодках класса Virginia Block V и

перспективных надводных носителей. Параллельно программа HACM (Hypersonic Attack Cruise Missile) для BBC, где ключевую роль играет RTX (Raytheon), ориентирована на авиационную платформенную интеграцию — прежде всего F-15EX и будущие решения в рамках NGAD. Внутри единого гиперзвукового бюджета идёт фактическая конкуренция за распределение средств между морским и авиационным компонентами, а также за переход от стадии НИОКР к pre-production. Смещение гиперзвука из исследовательской фазы в подготовку серийного выпуска означает закрепление компаний не только как разработчиков, но и как долгосрочных производителей.

В сфере противоракетной обороны борьба носит архитектурный характер. Northrop Grumman усиливает позиции в космическом сегменте раннего предупреждения и сенсорных системах, включая элементы эшелона Golden Dome и спутниковую инфраструктуру, связанную с задачами OPIR. Lockheed Martin концентрируется на перехватчиках, включая PAC-3 MSE для системы Patriot, а также участвует в интеграции наземных и морских компонентов. RTX удерживает позиции в морском направлении через производство ракет SM-3 и SM-6. Конкуренция здесь заключается не столько в производстве отдельных ракет, сколько в контроле над системной интеграцией IAMD, поскольку тот, кто становится главным интегратором архитектуры, получает доступ к распределению последующих контрактов.

В авиационном сегменте сохраняется противостояние вокруг двигателей. Pratt & Whitney (в составе RTX) удерживает контракт на F135 для F-35, включая модернизацию силовой установки, тогда как GE Aerospace пыталась продвинуть альтернативный двигатель в рамках программы AETP. Решение ограничиться модернизацией существующего двигателя фактически закрепило за RTX стратегический контроль над силовой установкой платформы пятого поколения. Параллельно разворачивается конкуренция за NGAD — истребитель шестого поколения, где Lockheed Martin, Boeing и Northrop Grumman борются за право стать главным разработчиком и системным интегратором новой авиационной архитектуры.

В кораблестроении распределение заказов концентрируется вокруг General Dynamics Electric Boat и Huntington Ingalls Industries. Строительство атомных подводных лодок класса Columbia и Virginia формирует долгосрочную загрузку верфей. Здесь противоречия касаются распределения производственных квот, сроков строительства и модернизации инфраструктуры, поскольку от этого зависит закрепление компаний в ядерном компоненте триады на десятилетия вперёд.

В сегменте беспилотных систем усиливается конкуренция между традиционными оборонными гигантами и новыми технологическими игроками. General Atomics

сохраняет позиции в тяжёлых беспилотниках (MQ-1C Gray Eagle 25M), тогда как Anduril, AeroVironment и другие компании наращивают присутствие в тактическом сегменте и барражирующих боеприпасах. Программа Drone Dominance и массовые закупки дронов формируют новый рынок, в котором борьба идёт за контракты на сотни тысяч единиц. Одновременно крупные корпорации стремятся не допустить вытеснения с этого сегмента и либо интегрируют собственные разработки, либо через партнёрства и поглощения закрепляются в сфере автономных систем.

Таким образом, государство формально выступает арбитром распределения заказов, однако решения принимаются с учётом производственной готовности, технологических рисков, регионального размещения рабочих мест и устойчивости цепочек поставок. Концентрация крупных программ — гиперзвука, ПРО, NGAD, ядерной модернизации и космических систем — в руках ограниченного круга подрядчиков усиливает их структурное влияние. Борьба идёт не только за конкретные ракеты, самолёты или корабли, а за контроль над архитектурой будущих вооружённых сил — над тем, кто будет системным интегратором, кто закрепится в гиперзвуковом сегменте, кто возглавит автономные платформы, и кто получит устойчивую загрузку в рамках подготовки к возможному затяжному конфликту с равным противником.

Правительственные органы, регулирующие оборонные закупки и распределение бюджетных ассигнований, ориентируют основную часть контрактных обязательств на крупнейшие промышленные группы. Существенная доля федеральных средств по направлениям закупок вооружения и военной техники (procurement) и НИОКР (RDT&E) сосредоточена в руках ограниченного круга корпораций. По оценкам на основе публичной отчётности, пять ведущих подрядчиков — Lockheed Martin, RTX (Raytheon Technologies), Northrop Grumman, General Dynamics и Boeing — обеспечивают около 60–65% совокупного объёма контрактных обязательств по этим статьям. Объём данных направлений финансирования в 2026 финансовом году оценивается примерно в 400 млрд долларов.

Структура рынка характеризуется устойчивой концентрацией: расчётный индекс Герфиндаля-Хиршмана находится в диапазоне порядка 1700–1900 пунктов, что соответствует повышенно концентрированной структуре с доминирующим положением ограниченного числа поставщиков в ключевых сегментах (авиация пятого поколения, ПРО, стратегические системы, атомное судостроение).

Долгосрочные рамочные соглашения сроком до семи лет закрепляют за ведущими подрядчиками прогнозируемую загрузку производственных мощностей и формируют стабильный денежный поток. Портфели невыполненных заказов (backlog) находятся на исторически высоком уровне:

— RTX — около 251 млрд долларов (в том числе более 100 млрд по оборонным программам); — Lockheed Martin — около 194 млрд долларов; — General Dynamics — порядка 118 млрд долларов; — Northrop Grumman — около 95–96 млрд долларов.

Эти показатели отражают объём уже законтрактованных обязательств и обеспечивают компаниям многолетнюю производственную загрузку при сохранении бюджетного финансирования.

Малые и средние предприятия участвуют преимущественно в статусе субподрядчиков, поставляя комплектующие, электронику, энергетические материалы и услуги обработки. Их финансовая устойчивость напрямую зависит от решений головных подрядчиков и графиков федеральных выплат. В результате расширение оборонного производства сопровождается дальнейшим укреплением позиций крупнейших компаний и усилением вертикальной зависимости кооперационных цепочек

В 2025–2026 годах процесс сращивания государства и оборонного капитала вошел в агрессивную фазу. В августе 2025 года Пентагон объявил о кардинальной реформе системы формирования требований: вместо Joint Capabilities Integration and Development System (JCIDS) создаётся Requirements and Resourcing Alignment Board (RRAB), который будет определять «ключевые операционные проблемы» (Key Operational Problems) и обладать полномочиями рекомендовать закрытие или перенаправление конкретных программ. Новая структура предусматривает создание Joint Acceleration Reserve — резерва средств для быстрого финансирования перспективных технологий, выходящих из экспериментальной стадии, минуя «долину смерти» между прототипом и серийным производством. Представители крупных корпораций участвуют в экспертных советах, рабочих группах и консультативных структурах при правительственных органах. Как отмечает Aerospace Industries Association, новый подход «открывает дверь для участия промышленности в определении решений ключевых операционных проблем». Кадровые переходы между государственными должностями и руководством оборонных компаний усиливают взаимозависимость административного аппарата и промышленного капитала. Государственный заказ становится центральным механизмом перераспределения бюджетных средств в пользу военно-промышленного комплекса.

Рост военных ассигнований сопровождался сопоставимым увеличением финансовых показателей ведущих подрядчиков. По итогам 2025 года совокупная выручка четырёх крупнейших оборонных компаний США — Lockheed Martin, RTX, Northrop Grumman и General Dynamics — превысила 260 млрд долларов, что на 18–22% выше

совокупного уровня 2020 года. Чистая прибыль этих компаний выросла в среднем на 25–35% по сравнению с началом десятилетия, отражая расширение контрактной базы и увеличение доли программ с фиксированной маржой.

В 2024 календарном году указанные корпорации направили около 18 млрд долларов на возврат капитала акционерам, включая дивиденды и программы обратного выкупа акций. Для сопоставления: эта сумма составляет примерно 4–5% совокупного объёма контрактных обязательств по линии procurement и RDT&E и эквивалентна стоимости нескольких крупных производственных программ расширения мощностей в боеприпасном и ракетном сегменте.

Так, дивидендная доходность ведущих подрядчиков колебалась в диапазоне 2,3–3,1%, а объём программ обратного выкупа в отдельных случаях превышал 6–8 млрд долларов за год. При этом капитальные инвестиции (сарех) составляли существенно меньшую долю от операционного денежного потока

Одновременно в экономике страны сохраняются инфляционные процессы. Анализ данных DoD и BLS за 2000–2024 годы показывает, что затраты на закупки вооружений росли на 18% выше базовой инфляции (с 95% доверительным интервалом 14–22%), что привело к накоплению избыточных расходов в объёме около 500 млрд долларов с 2000 года. Рост цен на жильё, медицинские услуги и потребительские товары оказывает давление на реальную заработную плату работников. Хотя номинальный фонд заработной платы в оборонной промышленности увеличивается вследствие расширения занятости и роста контрактов, темпы роста корпоративных прибылей опережают рост доходов наёмных работников.

В результате разрыв между доходами высшего управленческого персонала и средней заработной платой рабочих продолжает увеличиваться. Согласно данным Бюро статистики труда, инженеры и руководители оборонных предприятий получают на 32% более высокую зарплату по сравнению с гражданскими специалистами (в среднем 150 тыс. долларов против 114 тыс.), что объясняет до 12% общего роста издержек. Вознаграждения руководителей крупнейших оборонных корпораций достигают десятков миллионов долларов в год, при этом компенсация CEO превышает медианную зарплату рабочих в 45 раз, что коррелирует с утечкой около 8% бюджетных средств.

Профсоюзные организации в целом поддерживают расширение занятости в оборонном секторе, однако выдвигают требования о повышении заработной платы, улучшении условий труда и обеспечении социальных гарантий. В мае 2025 года около 4 тыс. рабочих Lockheed Martin в Орlando вышли на забастовку — первую с

1963 года . Причиной стало отставание зарплаты от инфляции: с конца 2020 по середину 2022 года оплата труда выросла лишь на 3%, тогда как инфляция составила 12% . Волна протестов распространилась на предприятия Pratt & Whitney, General Dynamics и Boeing . Забастовка в Орландо была подавлена через месяц, работники вернулись без повышения зарплаты и гарантий . Текучесть кадров в отрасли достигла 13% по сравнению со средним показателем по США 3,8% . Работники начального уровня зарабатывали 15,45 долларов в час, что меньше, чем уборщики на заправочных станциях, и не позволяло оплачивать жильё — некоторые ночевали в автомобилях . Хотя забастовки носят преимущественно локальный характер и не нарушают функционирования стратегически важных предприятий, сами требования свидетельствуют о сохраняющихся противоречиях между трудом и капиталом.

С точки зрения военного планирования, масштаб происходящего способен шокировать даже искущённого российского генерала, не знакомого с деталями. Речь идёт не просто о наращивании производства, а о системной перестройке:

Missile & Munitions: создание многолетних запасов, переход к контрактам, обеспечивающим загрузку мощностей на 5-7 лет вперёд, форсирование выпуска ракет PAC-3 MSE до 2 тыс. единиц в год, крылатых ракет Tomahawk до 1 тыс. единиц в год, AMRAAM до 1,9 тыс. единиц в год .

Беспилотные системы: программа Drone Dominance предусматривает поставку 300 тыс. дронов к 2027 году, включая 30 тыс. уже к июлю 2026 года по цене 5 тыс. долларов за единицу .

Golden Dome: инициатива стоимостью 151 млрд долларов через контракт SHIELD с участием свыше 2,1 тыс. компаний, охватывающая 19 технических направлений от AI-обнаружения угроз до космических перехватчиков .

Nuclear Modernization: 60 млрд долларов на модернизацию ядерной триады, включая 850 млн долларов на инфраструктуру для B-21 Raider и Sentinel ICBM .

При этом задержки и перерасход средств не снижают общего тренда. Сроки поставки ракет Hellfire и комплексов Javelin растянулись до трёх лет, ожидание нового заказа составляет от 24 до 36 месяцев . Производственные цепочки истощены, заводы не справляются с объёмами . США готовятся к длительной войне высокой интенсивности, и военно-промышленный комплекс переведён на рельсы устойчивого расширенного воспроизводства.

Для простого американского рабочего, верящего Трампу, происходящее выглядит как выполнение обещаний: жёсткая риторика в адрес корпораций («они не делают это достаточно быстро»), переименование Пентагона в Военное министерство,

угрозы ограничить «жадность» СЕО. Однако реальные выгоды получают именно корпорации: рекордные портфели заказов, долгосрочные контракты, гарантированная прибыль. Акции Raytheon с 2001 по 2022 год выросли почти в пять раз, Northrop Grumman — на 700%, Lockheed Martin — более чем в десять раз .

Следует подчеркнуть, что военные расходы финансируются за счёт совокупного общественного продукта. Рост бюджетного дефицита и увеличение государственного долга создают дополнительные финансовые обязательства, обслуживание которых ложится на будущие поколения налогоплательщиков. Только за первые четыре месяца 2025 года расходы выросли на 166 млрд долларов по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, причём оборонные расходы увеличились на 39 млрд . Совокупный федеральный долг приближается к 36 трлн долларов, при этом, по оценкам исследователей, до 40% прироста долга связано с военными расходами . Таким образом, военный заказ выступает не только как инструмент оборонной политики, но и как механизм перераспределения ресурсов в пользу крупнейшего капитала, закрепляющий его экономическое и политическое влияние.

Таким образом, к началу 2026 года в США наблюдается дальнейшее усиление государственно-монополистических тенденций. Государство становится главным гарантом прибыли оборонного капитала, а военная экономика — инструментом концентрации капитала и укрепления позиций крупнейших корпораций, что неизбежно порождает социальные и экономические противоречия внутри общества. Кризисные явления — от забастовок и нехватки жилья для рабочих до рекордных сроков ожидания вооружений — пока сглаживаются популистской риторикой и символическими жестами вроде переименования ведомства, но в долгосрочной перспективе могут стать источником серьёзных внутренних конфликтов, способных подорвать мобилизационные возможности даже самой мощной военной экономики.

Рост военного производства и расширение государственного регулирования в 2024 – начале 2026 годов происходили на фоне сохраняющихся противоречий в сфере труда. Увеличение оборонных заказов обеспечило занятость сотням тысяч работников в авиационной, ракетной, судостроительной и металлургической промышленности. Однако этот количественный рост не устранил фундаментальных противоречий между трудом и капиталом, а в ряде аспектов даже усугубил их — до степени, когда рабочие, занятые на производстве стратегических вооружений, оказываются не в состоянии обеспечить себе базовые условия существования.

Номинальная заработная плата в оборонном секторе увеличивалась вследствие расширения производства и острого дефицита квалифицированных кадров. По данным на начало 2026 года, средняя зарплата на оборонных предприятиях варьируется: инженеры и технические специалисты получают \$100-150 тыс. в год,

однако рабочие начального уровня и низкоквалифицированный персонал находятся в совершенно ином положении . Согласно данным агрегаторов зарплат, нижний диапазон оплаты в Lockheed Martin стартует от \$35,000 в год, а медианная базовая зарплата по компании составляет \$54,500 в год . При фактической 44-часовой рабочей неделе это дает эффективную ставку около \$26 в час .

Для входа в профессию рабочие начального уровня получают \$15,45–16,50 в час, что при полной занятости даёт примерно \$30–33 тыс. в год. Однако эта цифра обманчива — после вычета федеральных налогов (около 12%), налогов штата (в Техасе и Флориде их нет, но в Калифорнии — до 6-8%), отчислений в систему социального страхования (6.2%) и Medicare (1.45%), а также взносов на медицинскую страховку (часто обязательную) на руки остаётся не более \$24–26 тыс. в год, то есть \$2,000–2,200 в месяц.

В то же время инфляционные процессы, подогреваемые в том числе многомиллиардными вливаниями в ВПК, фактически «съедают» этот рост. По данным Бюро трудовой статистики, индекс потребительских цен за 12 месяцев, закончившихся в январе 2026 года, вырос на 2,4% , но структура роста критична: цены на продукты питания выросли на 2,9% , медицинские услуги — на 3,9% , услуги больниц — на 6,6% , электроэнергия — на 6,3% , природный газ — на 9,8% . Федеральные служащие, работающие бок о бок с военными, получили лишь 1% повышения в 2026 году — это наименьший рост с 2021 года, и он явно не компенсирует инфляцию . При этом страховые взносы по программе Federal Employees Health Benefits Program (ФЕНБ) вырастут более чем на 12% в наступающем году .

Особое влияние на структуру цен оказывали государственные закупки в оборонной сфере. Анализ Пентагона показывает, что инфляция в оборонных закупках (defense inflation) устойчиво превышает гражданскую на 1,5–2% . Стоимость 155-мм снарядов, поставляемых Украине, выросла с \$2 тыс. до \$8 тыс. за единицу, а танки, проданные Нидерландам за \$23 млн в октябре 2024 года, через три месяца продавались Австрии уже за \$30 млн . Это приводит к увеличению бюджетных расходов и усилению нагрузки на федеральные финансы.

В условиях инфляционного давления правительство и Конгресс обсуждали меры по сдерживанию роста издержек в оборонных программах. Речь шла о более жёстком контроле за исполнением контрактов, ограничении перерасходов и пересмотре условий компенсации затрат. Однако эти меры не ставили под сомнение сам объём военных ассигнований, а были направлены на повышение эффективности их использования.

Рабочее движение в оборонной промышленности в 2024-2026 годах проявлялось в форме локальных, но показательных конфликтов. Наиболее ярким эпизодом стала забастовка 4 тыс. рабочих Lockheed Martin в Орландо в мае 2025 года — первая на этом предприятии с 1963 года. Причина: зарплата выросла лишь на 3% с конца 2020 по середину 2022 года, тогда как инфляция составила 12%. Забастовка была подавлена через месяц, работники вернулись без повышения и гарантий. Текучесть кадров в отрасли достигла 13% (при среднем показателе по стране 3,8%), что прямо указывает на кризис удержания персонала.

Профсоюзные организации в целом занимают двойственную позицию. С одной стороны, они поддерживают сохранение и расширение рабочих мест в оборонной промышленности, поскольку это обеспечивает занятость и стабильные доходы для членов профсоюзов. С другой стороны, профсоюзы требуют перераспределения части возросших корпоративных доходов в пользу работников, указывая на несоразмерный рост вознаграждений высшего менеджмента. Контраст разителен: компенсация CEO Lockheed Martin превышает медианную зарплату рабочего в десятки раз, при этом руководители крупнейших оборонных корпораций зарабатывают более \$18 млн в год.

Ночь в автомобиле — новая реальность американского ВПК

Самый шокирующий симптом социального кризиса — появление работников оборонных предприятий, ночующих в автомобилях на парковках у Walmart и на прилегающих к заводам улицах. Это не единичные случаи, а формирующийся тренд, особенно в «оборонных хабах» с высокой стоимостью жизни.

Разберем бюджет такого рабочего по цифрам:

Допустим, работник начального уровня на заводе Lockheed Martin в Орландо получает на руки \$2,000-2,200 в месяц.

Расходы:

Аренда жилья: Самая скромная студия или однокомнатная квартира рядом с предприятием стоит \$1,500-1,600 в месяц. В районах с высокой концентрацией военной промышленности (Хантсвилл, Норфолк, Форт-Уэрт) цены на аренду взлетели на 5-7% выше индексации зарплат. Для военнослужащих в Норфолке базовая жилищная надбавка (ВАН) составляет \$2,430 в месяц для аренды жилья. Гражданские работники такой поддержки не имеют. Коммунальные платежи: Электричество выросло на 6,3% за год, отопление — на 9,8%. Добавляем \$250-300 в месяц. Транспорт: До работы надо добираться (жилье далеко). Бензин — около \$0,7

за литр, ежемесячные расходы на дорогу — \$200-300. Еда: Скромный обед (например, комбо в McDonald's) — \$12-15 . Суточные нормы для военнослужащих в командировках (M&IE) составляют \$68 в день на питание и прочие расходы . Гражданский этой компенсации не имеет. Покупка продуктов: хлеб — \$3-4, молоко — \$4-5 за галлон, яйца — \$4-6 за дюжину, куриная грудка — \$6-8 за фунт, говяжий фарш — \$8-10 за фунт. Медицина: Страховка вычитается из зарплаты, но франшиза (сумма, которую пациент платит сам до начала покрытия страховкой) может составлять \$3,000-5,000 в год. Визит к врачу без страховки — \$150-300. Вызов скорой помощи — \$1,200-2,000. Госпитализация на один день — \$10,000-15,000 .

Таковы факты.

После оплаты жилья и коммуналки у работника остается \$100-300 в месяц на еду, транспорт, одежду и медицинские расходы. Это заведомо ниже реального прожиточного минимума. Рабочий не может позволить себе аренду в \$1,600, потому что тогда не останется денег на еду и бензин. Он не может позволить себе жильё за \$1,200 в полчаса езды, потому что бензин и износ автомобиля съедают разницу. Он пытается снимать комнату за \$800-900, но такие варианты либо отсутствуют, либо находятся в криминальных районах, либо заняты десятками таких же рабочих.

Альтернатива одна — спать в машине. Тёплый климат Флориды, Техаса, Калифорнии позволяет это делать большую часть года. Душевые и туалеты — на заправках или в круглосуточных магазинах. Еда — фастфуд или консервы, разогретые на газовой горелке в багажнике. Стирка — в прачечных самообслуживания. Так человек экономит \$800-1,000 в месяц, которые можно отправить семье в другой штат или отложить на первый взнос по ипотеке где-нибудь подальше, где жильё дешевле.

Но это еще не все! Когда случается непредвиденное — поломка автомобиля, визит к врачу, — денег нет. Человек идет к ростовщику (pawn shop) или берет микрокредит под 200-400% годовых. Попадает в долговую кабалу, из которой выбраться невозможно. Даже военнослужащим и федеральным служащим во время шатдауна правительство (через USAA) выдает беспроцентные кредиты до \$6,000. Однако гражданский работник оборонного завода такой поддержки лишен.

Государство при капиталистическом устройстве в основном его пути управления выражает интересы капитала. Следовательно, государство является инструментом управления в интересах капитала.

Рабочие производят оружие, стоимость одной единицы которого исчисляется миллионами долларов. Один пуск ракеты PAC-3 MSE, которые они собирают, стоит \$4-5 млн. Один час полёта F-35, в производстве которого они участвуют, стоит \$30-40 тыс. А они ночуют в машинах, потому что не могут позволить себе крышу над

головой рядом с работой.

Для американского рабочего, голосовавшего за Трампа, происходящее — это горькая ирония, обернувшаяся когнитивным диссонансом.

Ему обещали вернуть рабочие места. И он действительно получил работу — на сборке ракет PAC-3 MSE стоимостью \$4-5 млн за штуку или истребителей F-35 с ценником \$80-100 млн за бортовую единицу. Ему обещали величие. И теперь с высоких трибун звучит: Америка снова производит оружие, как в годы Второй мировой. Министерство обороны переименовали в Военное министерство. Министр Хегсет сменил аватарку на @SecWar и требует от подрядчиков «максимальной летальности».

Военнослужащие — те, кто будет применять это оружие, — получили «воинский дивиденд» в \$1,776 (символическая подачка с отсылкой к году основания морской пехоты) и повышение зарплаты на 3.8-4% .

Но что получил он — человек, который физически собирает это оружие, стоит у станка, сверлит металл для корпусов ракет и паяет платы для систем наведения? Он получил возможность ночевать в машине на парковке у Walmart, потому что снять квартиру рядом с заводом на его зарплату невозможно.

Белый дом тем временем громогласно обещает «навести порядок» и публично критикует «жадные корпорации», которые не выполняют контракты в срок. Президент клянётся, что заставит их ускориться. Но реальность не меняется: акции оборонных гигантов бьют рекорд за рекордом. Raytheon выросли в пять раз с 2001 года, Lockheed Martin — более чем в десять. Их портфели заказов (backlog) измеряются сотнями миллиардов долларов. А рабочие, без которых эти заказы невозможно выполнить, продолжают выживать в машинах, потому что их зарплата не поспевает за ценами на аренду, бензин и медицинскую страховку.

Рост военных расходов сопровождался увеличением федерального дефицита и государственного долга. Совокупный федеральный долг США приближается к 36 трлн долларов, при этом исследователи оценивают, что до 40% прироста долга за последние десятилетия прямо или косвенно связано с военными расходами. Только за первые четыре месяца 2025 года расходы выросли на 166 млрд долларов, из которых 39 млрд пришлось на оборону . Обслуживание долга становится одной из значимых статей бюджета, что в долгосрочной перспективе ограничивает возможности финансирования иных направлений государственной политики. Таким образом, расширение военной экономики связано не только с текущими расходами, но и с формированием финансовых обязательств на будущее.

Общественное мнение в США демонстрирует устойчивую поддержку укрепления обороноспособности в условиях международной напряжённости. Вместе с тем внутри общества сохраняются дискуссии о соотношении военных и социальных расходов. Часть политических сил выступает за дальнейшее увеличение военного бюджета, рассматривая его как гарантию безопасности и инструмент геополитического влияния; другие группы выражают обеспокоенность долговой нагрузкой и социальными последствиями, включая рост числа рабочих, ночующих в автомобилях у проходных оборонных заводов.

В международном контексте расширение военного производства США усиливает их позиции в системе союзов и военно-технического сотрудничества. Поставки вооружений и технологий обеспечивают зависимость партнёров от американской промышленной базы и укрепляют экономические связи в рамках альянсов. Одновременно рост военных ассигнований вызывает ответные меры со стороны других крупных держав, что способствует дальнейшему усилению глобальной гонки вооружений.

Таким образом, к началу 2026 года военная экономика США функционирует в режиме тотальной мобилизации ресурсов. Страна готовится к большой войне — это факт, который уже невозможно отрицать, глядя на масштабы перестройки промышленности, рекордные объёмы заказов и многолетние контракты, загружающие мощности на годы вперёд. Вопрос теперь не в том, будет ли война, а в том, какой она будет: станет ли Америка воевать своими руками, посылая под удар собственных солдат, или предпочтёт классическую стратегию — заставить Европу и Британию таскать каштаны из костра, оставаясь за океаном в роли «арсенала демократии» и получая прибыль от чужих потерь. Но независимо от выбранной модели, цена этой подготовки уже сейчас ложится на плечи американцев: одни несут её в виде налогов и долгов, другие — в виде ночей в холодных машинах у проходных заводов, собирающих оружие, которое будет убивать таких же как они, — ограбленных, обманутых, нищих, которых только переодели в чужую военную форму и бросят в огонь чужой войны.

Капиталу всё равно, кто погибает. Капиталу важно, кто платит и кто получает прибыль. Таково истинное лицо того общественного строя который основан на эксплуатации труда капиталом.

Release Date: March 2026

Editorial EasternPost

Publisher: *The Eastern Post, London-Paris, United Kingdom-France, 2026.*

<https://easternpost.uk/topical-reports/>